

УДК 336.22(470)(09)
ББК 65.261.411-03
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).681-701](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).681-701)

А. К. Кириллов
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО ДОЛГОЙ ПОДАТНОЙ РЕФОРМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ: ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПОДОХОДНОГО НАЛОГА В 1918–1919 ГОДЫ (на западносибирском материале)

Аннотация. На основе первичных источников изучается изменение сущности подоходного налога на территории «белой» Сибири (правительство А. В. Колчака). Показано, что из налога для богатых он превратился не просто в налог для всех горожан (в том числе рабочих), но во всеобщий налог (за счет применения его ко всем крестьянам). Эта перемена помещена в контекст всей налоговой политики российских властей второй половины XIX — начала XX в. В результате установлено, что создание всеобщего подоходного налога в 1919 г. стало логичным завершением растянувшейся на полвека эволюции как городских налогов (взимавшихся по окладному принципу), так и раскладочных крестьянских налогов.

Ключевые слова. Великие реформы, вмененный доход, всеобщий подоходный налог, отмена подушной подати, раскладочные и окладные налоги.

A. K. Kirillov
Institute of History of the SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

THE LAST LINK IN THE LONG TAX REFORM OF CAPITALIST RUSSIA: THE TRANSFORMATION OF INCOME TAX IN 1918–1919 (using the example of Western Siberia)

Abstract. Original sources are used to trace the transformation of the income tax on the territory of «white»

Siberia (territories controlled by the government of A. V. Kolchak). The author shows that it transformed from a tax on the rich into a tax imposed not only on city residents (including labor workers), but into a universal tax (because it was imposed on all peasants). This change is analyzed within the framework of an overall Russian tax policy in the second half of 19th – early 20th century. As a result, the author states that the introduction of a universal income tax in 1919 was a logical conclusion to a half-a-century evolution of both urban taxes (calculated according to a person's salary), and apportioned peasant taxes.

Keywords. Great reforms, imputed income, universal income tax, abolition of capitation tax, apportioned and salary taxes.

Растянувшаяся на полвека податная реформа освободившейся от крепостного права России – яркий и удивительный пример того, как на деле воплощается то, что кажется невозможным теоретически. Самое удивительное в этой реформе сосредоточено на том кратком завершающем отрезке, который состоялся уже после падения власти, учредившей в России подоходный налог.

Неприемлемость податной системы, опирающейся на подушную подать, уже в 1850-е гг. была очевидна не меньше, чем необходимость реформирования суда и армии. Но на протяжении десятилетий, при разных царях и разных министрах финансов, вновь и вновь рассматривался вопрос о подоходном налоге, и каждый раз его введение признавалось «невозможным» из-за «низкой сознательности» населения и трудности учета доходов основной массы населения. Реформирование отрасли, затрагивающей материальный интерес всех и каждого, оказалось труднее политических реформ.

Сторонникам реформы пришлось «резать хвост частями»: сначала (постепенно) отменять старое, потом (постепенно же) вводить новое. В итоге подушная подать все-таки была отменена, а подоходный налог – все-таки введен. Но если ликвидация подушной подати со времени выхода книги В. Л. Степанова [5, с. 127–152]

воспринимается как крупное событие внутренней политики Александра III и важнейшая из министерских заслуг Н. Х. Бунге, то изучение подоходного налога, как правило, ограничивается разбором истории его введения в апреле 1916 г. [1, с. 269–278].

Скудость историографического внимания к подоходному налогу образца 1916 г. легко объяснима. Во-первых, налог начал работать только с 1917 г., и не успел в полной мере воплотиться вследствие прихода большевиков, которые сделали упор на чрезвычайные «классовые» налоги, реквизиции и контрибуции. Во-вторых, налог был введен не как опора всей системы обложения, а как «боковая пристройка», один из способов дополнительного обложения богатых.

Оба этих соображения действуют (хотя и не без оговорок) только для центра страны, с конца 1917 г. постоянно находившегося под контролем большевиков. Сибирь с июня 1918 г. оказалась вне действия советской власти. Ее преемники располагали не более чем полутора годами, но в это время уложились две податных кампании — 1918 и 1919 гг. В Сибири подоходный налог успел пройти полноценную обкатку. И главное: за это время он превратился из налога для элиты в налог для всех. Произошло это не столько за счет издания новых законов, сколько за счет особого применения изданных ранее.

Не будучи запланировано изначально, именно массовое применение подоходного налога логично продолжало всю российскую податную практику второй половины XIX и начала XX в. Таким образом, история воплощения подоходного налога в Сибири в 1918–1919 гг. позволяет увидеть вершину незавершенной линии развития податной реформы в России во второй половине XIX — начале XX в.

Прежде чем переходить к документам революционной эпохи, необходимо уяснить вехи долгой податной реформы второй половины XIX — начала XX в.

Самый массовый прямой налог кануна Великих реформ — подушная подать. Вопреки названию налога, «души мужского пола» платили неодинаковую сумму. Но государство не вмешивалось в распределение между отдельными плательщиками; ему было достаточно, чтобы общество (община) в целом уплатило назначенную ему сумму. С точки зрения государства налог получался обезличенным. В то же время, существовал промысловый налог (с разбивкой на гильдии и разряды), в котором государство пыталось соблюсти принцип: кто богаче, тот больше платит.

Именно эта часть системы, связанная с «вглядыванием в лицо» каждому плательщику, и получила развитие в эпоху Великих реформ. В 1863 г. отмена мещанской подушной подати сочеталась с учреждением государственного налога с городской недвижимости. Сумма сбора в новом налоге прямо зависела от ценности облагаемой базы. Ключевой вопрос — о методах ее определения — решался за счет данных городского самоуправления. В достоверности этих данных городские думы были заинтересованы кровно: оценочный сбор с той же недвижимости выступал одним из основных источников местных бюджетов.

В 1885 г., при введении «дополнительного промыслового налога» (по сути — подоходной прибавки к промысловому патенту), механизм определения облагаемой базы отдельно взятого плательщика был существенно доработан. Появились податные присутствия, руководимые податными инспекторами. Глубину знания местного материала обеспечивало наличие в присутствиях представителей от плательщиков и «сведущих лиц». Соблюдение интересов казны гарантировало участие чиновников в лице податных инспекторов. После обкатки на промысловом налоге система податных присутствий была использована и в государственном налоге с городской недвижимости (1910 г.), и во вновь созданном (1893 г.) квартирном налоге.

Этот последний заслуживает особого внимания как прототип налога подоходного. Именно так называли его чиновники Министерства финансов, такой была и его суть. Квартирный налог нацеливался на тех, кто использует относительно дорогое жилье в городах (будь то собственное или съемное). Жилье («квартира») выступало лишь косвенным признаком для определения доходов гражданина. Квартирный налог прижился, и это создавало основу для следующего шага.

Подоходный налог, учрежденный в 1916 г., имел две показательные особенности. Во-первых, облагаемый минимум доходов был установлен на уровне 850 р. в год. Эта цифра выводила рабочих и подавляющее большинство крестьян из круга плательщиков. Во-вторых, подоходный налог, в отличие от всех других российских налогов, содержал «презумпцию невиновности» плательщика. В случае сомнений податного присутствия насчет заявленного размера дохода не плательщик должен был доказывать свою правдивость, а присутствие — недостоверность его данных. Такая предупредительность, конечно, связана с тем, что налог предназначался богатой части общества, в том числе и «благородным» плательщикам. Согласно министерским оценкам 1909 г., которые опирались на данные от всех податных инспекторов, число плательщиков подоходного налога ожидалось на уровне 700 тыс. человек — порядка 0,5 % населения страны [1, с. 275].

Как видно, подоходный принцип успешно наращивал свое присутствие в податной системе; казалось бы, воплощение заветных замыслов бывших реформаторов достигнуто. Но вся подоходная часть фискальной системы была своего рода пробной моделью, доходы от которой играли незначительную роль в бюджете страны. Российский бюджет за несколько лет до введения подоходного налога оставался, по выражению публицистов, «пьяным». Косвенные налоги восполняли отсутствие в России дееспособной системы прямых

налогов для крестьян. Между тем, в этой системе тоже происходили изменения, в большинстве своем — не очень известные.

Показательно, что знаменитая реформа Н. Х. Бунге известна под «отрицательным» названием: *отмена* подушной подати. Складывается впечатление, что на месте отмененного налога осталось пустое место. На деле крестьяне продолжали платить и мирские сборы (сельские, волостные), и земские налоги, и государственные. Перешедшие на выкуп крестьяне Европейской России платили поземельный налог. Сибиряки, числившиеся пользователями казенных угодий, платили государственную оброчную подать. Механизм их расчета схож. То и другое — раскладочные налоги, сумма которых определяется твердо для всей страны и затем раскладывается по губерниям, уездам, волостям и селениям с учетом различной зажиточности населения разных районов. Зажиточность эта определялась чиновниками приблизительно с учетом всех наличных данных. Но при самой тщательной работе чиновников и самом правильном отборе признаков зажиточности внедрение подоходного принципа ограничивалось, по изначальному замыслу, уровнем сельского общества. Между собой крестьяне все равно раскладывали налог сами, как правило, используя признак, далекий от финансов — души мужского пола.

Назначить чиновников в каждое городское податное присутствие правительство было способно — для этого оказалось достаточно полутора тысяч инспекторов на всю страну. Посадить податного инспектора в каждую крестьянскую общину — явно невозможно: эта армия себя не окупит. Вот почему подоходный налог не был рассчитан на крестьян: реформаторы не видели способов достоверно проверить доход, который будет заявлять крестьянская масса.

Между тем, чиновники все-таки могли влиять на методы раскладки налогов внутри крестьянской об-

щины и делали это уже в конце XIX в. Инструкциями Министерства финансов чиновникам предписывалось внедрять в крестьянское общество раскладку налогов с учетом состоятельности плательщиков. Эта работа имела ярко выраженный результат. Уже к 1890-м гг. ревизские души (мужчины, мальчики и старики) были вытеснены годными работниками (хотя нередко и под именем «душ мужского пола»), а в начале XX в. годных работников существенно потеснила раскладка «по состоянию» (лошади, коровы, запашка и ряд второстепенных признаков) [2].

Существовала и гарантия достоверности заявленных крестьянами данных. Со времени выхода Положения о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ (1899 г.) от крестьян требовалось раскладывать налоги не «на глаз», а в соответствии с четко указанными признаками. Раскладочные приговоры предоставлялись податному инспектору с обязательным прибавлением раскладочных перечней. Для каждого плательщика записывалась состоятельность по выбранным признакам и указывалась сумма налога. Пересчитывать коров и перемерять наделы каждого крестьянина инспектор не ездил. Но чтобы обмануть его, требовался сговор всего общества – дело слишком маловероятное, ведь при любом выборе признаков составление раскладок связано с ущемлением интересов части общественников. Обиженные легко могли бы пожаловаться инспектору.

Система раскладок по четко указанным признакам стала гарантией достаточно весомой для того, чтобы через несколько лет правительство рискнуло заменить круговую поруку личной ответственностью крестьян по налогам (законы 1903 и 1906 гг., соответственно, для России и Сибири). Община по-прежнему ведала раскладкой налогов, определяла сумму платежа для каждого из членов общества. Но каждый сам отвечал за свои платежи, а возможная недоимка ложилась на

государственный бюджет, нимало не затрагивая соседей недоимщика. Десять предреволюционных лет показали, что система эта вполне работает, не приводя к массовым недоимкам.

Таким образом, облик крестьянских налогов сильно изменился на протяжении считанных десятилетий. Для безбоязненного введения подоходного налога у крестьян недоставало последнего условия: гарантии соотносимости абсолютных цифр по разным деревням. При раскладочной системе сумма налога, которую надо собрать, задавалась извне. Занимаясь раскладкой этой суммы, крестьяне в большинстве случаев даже не пытались определить (как того требовала инструкция) доходность каждой учтенной ими статьи дохода (сколько рублей приносит в год десятина земли, лошадь, и т.д.), а прямо указывали, сколько рублей они взимают с каждой доходной статьи.

Но подоходный налог — налог не раскладочный, а окладной: его общая сумма определяется снизу вверх. Надо знать не имущество каждого плательщика, но именно доход. Где гарантия, что крестьяне не занизят сумму своих доходов? Правда, у присутствий по промысловому налогу был опыт установления «нормальной прибыльности» по отраслям в каждом уезде (вмененный доход в процентах от оборота). Но промысловый налог платят предприниматели, которых мало. За ставками «нормальной прибыльности» торгово-промышленных отраслей бдительно следили казенные палаты. Следить за «нормальной прибыльностью» скота, пашни и промыслов по всей стране было бы труднее.

Тяжкие бюджетные проблемы 1918–1919 гг. побудили Российское правительство (А. В. Колчака) найти решение этой проблемы — хотя для этого и пришлось поступиться щепетильностью в соблюдении гражданских прав плательщиков. В результате «пробная модель» образца 1916 г. проникла во всю толщу обще-

ства. Это произошло за счет двух параллельных процессов — включения в число плательщиков низкооплачиваемых горожан (рабочих) и распространения подоходного налога на всех крестьян.

Рассмотрим эти процессы на документах, сохранившихся в фонде Томской казенной палаты и в фонде податного инспектора 2-го участка Томского уезда. Податные инспектора действовали в России с середины 1880-х гг., а в Западной Сибири — с середины 1890-х. Подчиняясь казенной палате, они выступали непосредственными проводниками политики Министерства финансов по части налогов. Именно они занимались выяснением платежных сил населения, исчислением облагаемой базы по всем налогам, непосредственным общением с плательщиками; именно их фонды наиболее перспективны для изучения того, как на самом деле воплощалось податное законодательство. Как правило, фонды податных инспекторов насчитывают единицы или десятки дел. Иначе говоря, их архивы не сохранились. Фонд податного инспектора 2-го участка Томского уезда составляет исключение. Он насчитывает без малого тысячу дел за 1897–1920 гг., касающихся, главным образом, работы с деревнями и безуездными городами.

Для начала разберемся с горожанами. Привлечение к подоходному налогу в «белой» Сибири простых служащих и рабочих предприятий открыто В. М. Рынковым. Изложив законодательные перемены 1919 г., автор сформулировал вывод: «Рабочие и служащие вместо ожидаемого переложения налогового бремени на имущие слои весной 1919 г. столкнулись с ужесточением сбора налогов» [4, с. 101]. Это заключение полезно дополнить знакомством с низовыми документами. Среди бумаг податного инспектора 2-го участка Томского уезда сохранился полученный из управления Алтайских каменноугольных копей (г. Щегловск) список сотрудников, получавших в 1918 г. выплаты от это-

го предприятия¹. Перечень указывает в основном простые рабочие должности — горнорабочий, чернорабочий, кочегар, сторож, плотник, десятник, и так далее. В списке из 324 человек нет ни одного, получившего за год менее 1 тыс. р. Большинство выплат оказывается в промежутке от 2 до 4 тыс. р.

Сведения такого рода инспектор получал также от железной дороги, от кооперативных управлений, от органов самоуправления. Вновь созданные волостные земские управы не только отчитывались за выплаты собственным служащим, но и выступали посредниками по выявлению учреждений и предприятий, не охваченных сбором данных: сохранилось сопроводительное письмо Поломошенской волостной земской управы к сведениям о лицах, получавших жалованье от местного мукомольного товарищества².

То ли новизна дела, то ли срыв весенней кампании 1918 г. повлияли на несвоевременное предоставление данных многими учреждениями. Но рассылка типографских «Напоминаний» (в феврале 1919 г.)³ сделала свое дело. Большинство сохранившихся в этом деле сопроводительных документов к инспектору от учреждений и предприятий о присылке сведений за 1918 г. датировано апрелем и маем 1919 г.

Механизм использования сведений от работодателей предусматривался Положением о подходящем налоге 1916 г. Но не предусматривалось, что его уплата будет столь массовой. Теперь, когда военно-революционная инфляция обеспечила всех некогда завидными зарплатами (и тем увеличила число плательщиков), стало ясно, что прямое общение податного инспектора

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 266. («Документы о сборе сведений о размерах заработной платы рабочих и служащих предприятий и взыскании подоходного налога»). Л. 44-53.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 55.

с каждым плательщиком — задача огромная и потому невыполнимая. Стало ясно, что предприятия должны быть более чем осведомителями: они должны быть посредниками при взимании подоходного налога.

3 апреля 1919 г. колчаковский Совет министров принял постановление «О повышении нормы подлежащего подоходному налогу дохода и о порядке уплаты названного налога лицами, получающими содержание от казны»¹. Повышение необлагаемого минимума с 1 до 3 тыс. р. не оказало существенного влияния на ход дел: цены в 1919 г. росли быстрее, чем пороговая цифра, и подавляющее большинство простых рабочих все-таки остались в рядах плательщиков. Зато важна вторая часть реформы. Отныне сотрудники казенных органов и частных предприятий должны были уплачивать подоходный налог ежемесячно, при выдаче жалованья. Собственно, следующая в налог часть жалованья и не выплачивалась на руки, а сразу удерживалась предприятием для перечисления казне. Эта, казалось бы, техническая подробность резко изменила всю систему взимания налога. На место охоты за отдельными плательщиками пришло взаимодействие с посредниками-работодателями, привлекающими к налогу всю массу работников². Система, так хорошо известная россиянам начала XXI в., стала логичным следствием массовизации подоходного налога.

Итак, распространение подоходного налога на массу городского населения оказалось делом простым. Включение рабочих в число плательщиков, хотя и было следствием осознанной политики властей, не требовало никаких отступлений от закона. Достаточно

¹ См. уточняющие запросы предприятий в адрес Гомской казенной палаты: ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 244. («Переписка с податными инспекторами о порядке удержания подоходного налога с рабочих и мастеровых») Л. 71-73.

² В.М. Рынков в упомянутой выше работе отмечает это новшество и оценивает его как перекладывание проблемы собираемости подоходного налога с большой головы на здоровую [4, с. 84-85].

оказалось лишь не повышать до бывшего уровня обесцененный инфляцией порог обложения.

С крестьянами дело обстояло иначе. Не привлечь их к налогу после того, как его стали платить рабочие, было бы нелогично: чиновники знали, что крестьяне в целом живут по меньшей мере не хуже рабочих. Но весь доход рабочего имеет денежную форму и потому точно учитывается и легко контролируется. У крестьян денежный доход невелик, зато нет необходимости оплачивать продовольствие и квартиру, что отнимает значительную, если не основную, часть доходов рабочего. Следовательно, облагаемый доход крестьянина должен исчисляться иначе, чем доход рабочего. Требовалось учесть натуральный доход крестьянина, для чего единственным средством было установить вмененный доход.

Это противоречило правилам 1916 г., но не противоречило духу дореволюционного законодательства. Уже при введении квартирного налога оговаривалось, что его должны платить и чиновники, получающие служебные квартиры бесплатно. После реформы 1916 г. платежи по квартирному налогу стали учитываться в счет подоходного налога, само же правило насчет бесплатных квартир сохранилось. Взимание налога с натуральной оплаты чиновникам и с натурального потребления крестьян — явления типологически близкие, если не вовсе одинаковые. И в том и в другом случае косвенные признаки использовались для оценки платежеспособности экономического субъекта там, где нет возможности использовать точные бухгалтерские данные. Пока подоходный налог предполагалось взимать с богатых, было логичным оставление крестьян за порогом; с тех пор как налог решили сделать всеобщим, стало логичным применение косвенных признаков и к сельскому населению.

В середине июля 1919 г. инспектор 2-го участка Томского уезда разослал по волостным земским упра-

вам бланки сведений об имущественном положении домохозяев каждого селения. Судя по тому, что на этих документах не предусмотрена строка «губерния», зато требуется указать волость и селение, изготовление бланков было делом либо казенной палаты каждой губернии, либо даже — каждого инспектора. С конца июля (чаще — в августе или сентябре) заполненные бланки стали поступать обратно. В фонде инспектора 2-го томского участка они занимают несколько дел, из которых автором статьи изучены два — по Проскоковской и Новониколаевской волостям¹. В одних случаях в графе «год» указано «1919», в других — «1918»; в любом случае ясно, что речь идет (согласно закону) о налоге, который требуется уплатить в 1919 г. с доходов, «полученных» в 1918 г. Ведомости по разным селениям заполнены разными почерками и разными чернилами, с разной степенью подробности (не везде указан посев); очевидно, что волостное правление выступало лишь посредником, переправляя наверх сведения от сельских старост.

Ведомости требуют довольно подробных сведений: и число человек в семье (в том числе трудоспособных), и площадь посева по видам хлебов, и число скота (отдельно: лошади, коровы, овцы), и количество заготовленного сена (в пудах); две графы отводилось на подсобные промыслы (вид промысла и объем заготовок). Нередко оказывалась заполненной и последняя графа: «сделаны ли долги за 1918 г. Кому и сколько» (среди ответов: «разным лицам», «кредитному товариществу», «банку»). Заполнение этих таблиц не стало диковинкой для крестьянских писарей: документы

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 262 («Сведения об экономическом положении населения и заявления крестьян Новониколаевской волости о доходах, подлежащих обложению государственным подоходным налогом»), д. 270 («Сведения об экономическом положении населения и заявления крестьян Проскоковской волости о доходах, подлежащих обложению государственным подоходным налогом»).

очень похожи на те раскладочные перечни, которые уже более десяти лет требовалось прикладывать к раскладочным приговорам. Сбоку к заполненным ведомостям приклеены лоскуты бумаги, на которых — одной рукой через все селения обеих волостей — проставлены номера. Наименьший номер по Новониколаевской волости — 16 328; наибольший по Проскоковской — 17 672. Инспектор, говоря современным языком, составлял единую базу данных по всем плательщикам своего участка.

В эту базу данных попадали не все жители подведомственных ему волостей. На 1344 плательщика по двум волостям приходится 76 прочерков (примерно один к восемнадцати). Назвать с уверенностью критерий их «отчисления» трудно — многие имеют годных работников, скот, посев, по формальным данным не уступая другим беднякам. Но в целом ясно, что это представители беднейшей части местного общества. Это — те, кто получил освобождение от уплаты подоходного налога. Во всех остальных случаях против каждого плательщика инспектор приписал цифру: в некоторых случаях — 3 600, иногда — 4 000, изредка даже — 5 000 или 5 500; но у подавляющего большинства плательщиков значится цифра: 3 200 [рублей]. Название этой графы подписано от руки: «Доход 1918 г.». В виде единичных исключений проставлены цифры «3000» и «3100», и ни одному плательщику не показан меньший доход. При этом налог колеблется от 68 до 182 р.

Все огромное разнообразие сочетаний годных работников и иждивенцев, посевов овса и пшеницы, скота тяглого и молочного свелось к цифре в 3 200 р., минимально необходимой¹ для привлечения к подоходному налогу всех крестьян. Система действовала более грубо, чем бывшие крестьянские раскладки с их скрупулезным учетом, сколько копеек приходится на

¹ С 200-рублевым запасом, по-видимому, для избежания двусмысленных толкований закона.

каждую десятину, скотину или годного работника. Но она обеспечивала решение задачи: привлечь львиную долю крестьян к платежу подоходного налога, так или иначе учитывая их состоятельность. При этом для большинства плательщиков сумма налога была одинаковой, что неизбежно создавало несоответствие налоговых платежей действительному доходу. Однако сумма в несколько десятков рублей для 1919 г. должна была выглядеть не очень обременительной. Реформа подоходного налога в 1919 г. имела значение не столько для немедленного наполнения казны, сколько для создания системы на будущее.

Создавая эту систему, податная инспекция заботилась не только об обложении крестьянской массы, но и о выделении из нее «богачей». Поселенные перечни плательщиков, описанные выше, перемежаются в архивных делах заполненными бланками единоличных «заявлений»¹. На деревню приходится, как правило, одна или несколько деклараций. Как видно из редких сопроводительных документов, они получены в ответ на напоминания податного инспектора, отправленные в мае или летом 1919 г.²

Одна из обнаруженных деклараций принадлежит псаломщику, еще 2 или 3 — тем, кто получил доход «от продажи скота и масла», более десятка — пасечникам. Причем в ряде случаев (например, по селению Проскоковскому) эти дополнительные занятия в присланной из села таблице никак не были отмечены³. Значит, инспектор опирался на дополнительные данные.

В некоторых случаях эти данные были устаревшими. Сохранилось «удостоверение», выданное фи-

¹ Заявления по форме 8-А либо по форме 6. То и другое — типовые декларации по подоходному налогу (разной степени подробности). Вероятно, использование разных бланков плательщиками разных волостей объяснялось техническими проблемами с обеспечением всех единообразными бланками.

² ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 262. Л. 25 об.; Д. 270. Л. 28, 33.

³ Там же. Д. 270. Л. 2-2 об., 6-7 об.

лоновским сельским старостой местной крестьянке, с мужа которой участковое присутствие требовало «налог за пасеку». Между тем, муж (Иван Степанович Филонов) к этому времени умер (и не был внесен в селенную ведомость, представленную инспектору летом 1919 г.); пасека после его смерти «вся скончалась»¹. Ясно, следовательно, что инспектор пользовался более ранними сведениями. Например, в 1916 г., готовясь к введению подоходного налога, инспектора подсчитывали ожидаемых плательщиков. В каждом селении предполагалось иметь хотя бы одного плательщика налога². По-видимому, именно эти сведения и пригодились в 1919 г.

С другой стороны, по д. Лебяжьей (пчеловоды Асанов, Савостьянов, Петров) пчеловодство в селенной ведомости показано³. Значит, речь не идет о том, что инспектор, требуя от них заявлений, пытается вывести на свет божий то, что пытались укрыть. Раз пасеки были ему известны, он мог бы назначить их владельцам вмененный доход. Но инспектор воспринимает их не как часть крестьянской массы, подлежащей огульному обложению, а так, как положено по закону 1916 г. — и предоставляет возможность лично заявить полученный доход. Притом что доход их от собственного крестьянского хозяйства облагается наравне со всеми, простым проставлением цифры в присланной из волости ведомости.

Неясно, какова была дальнейшая судьба этих заявлений. Даже те из авторов деклараций, кто не пытался свести свои доходы к нулю, все-таки показывали доход

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 262. Л. 25 об.; Д. 270. Л. 24-26.

² Сохранились данные по 1-му участку Барнаульского уезда: ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 345. («Циркуляр Департамента окладных сборов о введении подоходного налога и введении населению прожиточного минимума. Переписка с податными инспекторами о предполагаемом числе плательщиков подоходного налога по губернии»). Л. 20-23.

³ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 270. Л. 13-14 об.

в сотни рублей, как максимум — одна-две тысячи. Ни один не дотянул до планки в 3 000 р. Опровергнуть эти данные в условиях упоминавшейся «презумпции невиновности» плательщиков было бы труднее, чем «оставлять без последствий» возражения плательщиков промыслового или даже квартирного налога. Вероятно, попытка обособить «крестьянскую элиту» в условиях массового налога не удалась. То была дань изначальному, за три года успевшему устареть, замыслу подоходного налога.

Этот эпизод, однако, важен, поскольку подчеркивает ту двойственность, которая появилась в подоходном налоге вследствие преобразования 1919 г. Даже крестьянская верхушка оказывалась недостаточно богатой, чтобы платить подоходный налог по «городскому стандарту», с его трепетным отношением к интересам плательщиков. Но даже бедные крестьяне оказались подвержены налогу «по деревенскому стандарту». Обложение разных групп населения, таким образом, зависело не только закона, но и от обычаев. «Благородное общество» привыкло заботиться о своих правах — и фискальным органам не была раскрыта даже тайна банковских вкладов. Крестьяне привыкли содержать государство, привыкли к раскладкам через волостное правление — и с них можно было требовать налог, не отвлекаясь на юридически подкрепленные доказательства. Подоходный налог образца 1919 г. — это мать-и-мачеха российской налоговой системы.

Какова была дальнейшая судьба этого налога? Об этом мы можем судить по донесениям в казенную палату инспектора 1-го участка Томского уезда (он же — по совместительству временно исполняющий должность инспектора Тогурского участка), составленным 3 ноября 1919 г. в ответ на запрос палаты¹. К началу ноября по 1-му Томскому участку он успел разослать «по при-

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 244. Л. 4-4 об., 10-10 об.

надлежности» (из контекста следует – по рабочим, служащим и владельцам недвижимости) 9 тыс. окладных листов, по Тогурскому участку – 2,5 тыс., оставалось завершить работу крестьянами. К этому времени инспектор успел обложить 10 волостей по 1-му Томскому, 4 волости – по Тогускому участку, оставалось соответственно 24 и 8 волостей (из которых по некоторым «не получены даже статистические материалы для обложения»). Инспектор предполагал завершить обложение не ранее 1 января 1920 г., почему и просил отодвинуть рассылку окладных листов. Неизвестно, получил ли он просимое разрешение: наступление Красной Армии сделало этот вопрос не насущным.

Прежде чем делать окончательный вывод, следует отметить, что похожую эволюцию подоходный налог проделал и в Советской России. Отказавшись от расхожего представления о том, что с приходом большевиков все изменилось, О. И. Марискин разобрался с воплощением налоговой политики в годы Гражданской войны на землях, подвластных Совнаркому и выяснил неожиданные подробности. По его данным, большевики не только юридически подтвердили сохранение налогов (в том числе подоходного), но и продолжили работу по их взиманию. Число крестьян, привлеченных к подоходному налогу в Симбирской губернии, достигало в 1917 г. 7,5 тыс., а в 1918-м – 12,5 тыс. [3, с. 142].

В продолжение этой линии был принят декрет СНК от 21 января 1919 г., которым предлагалось создавать волостные и сельские комиссии по подоходному налогу в целях привлечения к его платежу «возможно большего числа» крестьян. За неделю до реформы Колчака, 27 марта 1919 г., вышло постановление СНК, по которому «крестьянские хозяйства всех губерний, – как формулирует О. И. Марискин, – были отнесены к IV классу и облагались налогом, начиная с 3 тыс. руб.» [3, с. 143].

Правда, выясняется, что на деле подоходный налог собирался слабо ввиду саботажа населения и преимущественного внимания советской власти к другим налогам. Натуральный и единовременный чрезвычайный революционный налоги выступали не только источником денег, но и «орудием классовой борьбы» в деревне, наподобие контрибуций в городах [3, с. 145]. Тем не менее, в феврале 1920 г. отдел прямых налогов Народного комиссариата финансов дозрел до мысли о подготовке к единому подоходно-поимущественному налогу, при котором облагать доходы от сельского хозяйства предполагалось по раскладочной системе — то есть, речь шла о возврате к дореволюционным порядкам. Однако в условиях совершенной утраты ценности «совзнаками» это намерение не было реализовано; напротив, в феврале 1921 г. дело дошло до отмены всех денежных налогов [3, с. 152–153]. Налоговая система НЭПа, хотя во многом и напоминающая дореволюционные порядки, изначально содержала «классовую» составляющую и тем отличалась от былой системы.

По всей видимости, развитие подоходного налога в годы Гражданской войны по разные стороны фронта шло в одном направлении, но колчаковское правительство, для которого этот налог был более важен, чем для большевиков, более тщательно проработало мероприятия, связанные с взиманием подоходного налога как всенародного.

Итак, подоходный налог образца 1919 г. не успел дать колчаковскому правительству финансовых результатов. Но нельзя сказать, что он остался в области теорий. Всеобщий, массовый подоходный налог был воплощен в окладных листах и расчетных ведомостях второй половины 1919 г. Сопоставляя эти ведомости с общепринятой до революции системой крестьянских раскладок, можно уверенно сказать, что та форма, которую приобрел подоходный налог для крестьян

летом 1919 г., не была окончательной. При сохранении этой системы в следующие годы неизбежна была бы дальнейшая дифференциация плательщиков по уровню дохода, отказ от субъективно определяемых цифр в пользу объективных показателей по отраслям хозяйства. Важнее другое — эта система имела внутреннюю устойчивость за счет того, что была подготовлена всем ходом дореволюционного развития налоговой отрасли.

Знание истории подоходного налога в 1919 г. помогает более правильно оценить ту эволюцию, которую проделала податная система России на протяжении полувека, начиная с «оттепели» середины XIX в. От подоходного налога образца 1916 г. до всеобщего подоходного налога оставался лишь один шаг. Исчисление этого налога на основе вмененного дохода, с опорой на традицию крестьянских налогов, позволило преемникам царского правительства сделать этот шаг без дальнейшей долгой подготовки.

Список использованной литературы

1. Захаров В. Н. История налогов в России. IX — начало XX века / В. Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацилло. — М. : РОССПЭН, 2006. — 294, [1] с. — (Экономическая история : документы, исследования, переводы).
2. Кириллов А. К. «Раскладку подати произвести не прежним порядком...» : раскладки казенных и мирских сборов крестьянами Богородской волости Томского уезда в начале XX века / А. К. Кириллов, А. Е. Панова // Экономическая история. — 2014. — № 3 (26). — С. 24–30.
3. Марискин О. И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX в. (По материалам Сред. Поволжья) / О. И. Марискин. — Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2004. — 237, [2] с.
4. Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России : (вторая половина 1918 — начало 1920 г.) / В. М. Рынков. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2006. — 211 с.
5. Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора / В. Л. Степанов. — М. : РОССПЭН, 1998. — 399 с.

Информация об авторе

Кириллов Алексей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории второй половины XVI — начала XX в., Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Author

Kirillov Alexey Konstantinovich — Ph.D. in History, Senior Researcher, 2nd Half of 16th — Early 20th Century History Sector, Institute of History of the SB RAS, 8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Библиографическое описание статьи

Кириллов А. К. Последнее звено долгой податной реформы капиталистической России: преобразование подоходного налога в 1918–1919 годы (на западносибирском материале) / А. К. Кириллов // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 681–701. — DOI : [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).681-701](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).681-701).

Reference to article

Kirillov A. K. The last link in the long tax reform of capitalist Russia: the transformation of income tax in 1918–1919 (using the example of Western Siberia). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 681–701. DOI: [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).681-701](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).681-701). (In Russian).